

Снарская Екатерина Валерьевна

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ МАСС: ОТ МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ

В статье проанализирован принцип выстраивания понятия масс в социально-философской теории XX века и его трансформация в условиях постиндустриального общества. Общность методологической установки теорий модерна в силу реализации ее в логике естественных наук препятствует адекватному выражению сущности исследуемого объекта. Автором предлагается инфиниция масс, которая, в отличие от модернистской дефиниции, способствует конструированию объема понятия, учитывая современные социальные и культурные реалии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. III. С. 172-175. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Алленов М. М. Русское искусство XVIII – начала XX в. М.: Трилистник, 2000. 319 с.
2. Аполлон. Изобразительное и декоративное искусство. Архитектура: терминологический словарь / под общей ред. А. М. Кантора. М.: ЭЛЛИС ЛАК, 1997. 735 с.
3. Валентин Серов в переписке, документах и интервью / сост. И. С. Зильберштейн, В. А. Самков. Л.: Художник РСФСР, 1985. Т. 1. 487 с.
4. Вехов Н. В. Север в творчестве Константина Коровина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kola.gallery/sever-v-tvorchestve-konstantina-korovina/> (дата обращения: 23.04.2015).
5. Власов В. Г. Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wertidferno.ru/poslednie-postupleniya/1657.php> (дата обращения: 02.04.2015).
6. Гусарова А. П. Константин Коровин. М.: Советский художник, 1990. 239 с.
7. Домитиева В. М. Константин Коровин. М.: Терра; Книжный клуб, 2007. 351 с.
8. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / под ред. Л. П. Крысина. М.: Эксмо, 2011. 863 с.
9. Кириченко Е. И. Русский стиль. М.: Галарт; АСТ – ЛТД, 1997. 432 с.
10. Коровин К. А. Воспоминания. Минск: Современный литератор, 1999. 563 с.
11. Коровин К. А. Жизнь и творчество. Письма. Документы. Воспоминания / составитель Н. М. Молева. М.: Издательство АХ СССР, 1963. 273 с.
12. Маковский С. К. Силуэты русских художников. М.: Республика, 1999. 383 с.
13. Нестеров М. В. Воспоминания / вступительная статья А. А. Русаковой. М.: Советский художник, 1989. 412 с.
14. Петрик В. В. Становление народно-профессионального исполнительства в среде кобзарей и лирников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. II. С. 149-152.
15. Цветаева М. Н. Христианский взгляд на русское искусство. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 303 с.
16. Ярославцева Н. А. Москва Виктора Васнецова. М.: Мир русской души, 1998. 159 с.
17. Korovin K. Konstantin Korovin. 150th Anniversary of the Artist's Birth. Russian Museum. SPb.: PALACE EDITIONS, 2011. 232 p.

**MOTIVES OF THE RUSSIAN NORTH IN MONUMENTAL PAINTING OF K. A. KOROVIN:
EVOLUTION OF ARTISTIC LANGUAGE**

Skorobogacheva Ekaterina Aleksandrovna, Ph. D. in Art Criticism
Ilya Glazunov Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture
Skorobogacheva@mail.ru

The article deals with the evolution of the artistic language of K. A. Korovin in reference to the North motives in monumental painting that remains little studied. The author concludes that Korovin's monumental painting devoted to the North was an original, separate part of the artist's creativity and influenced the imagery, technique and manner of execution, the philosophy of his art, having given to the works deep sounding significant in the national art as a relevant representation of the semiosphere of Russian antiquity.

Key words and phrases: art of K. Korovin; the Russian North; monumental painting; manner of execution; philosophy of image; evolution of artistic language; interpretation of motives; stylization.

УДК 1:167.7

Философские науки

В статье проанализирован принцип выстраивания понятия масс в социально-философской теории XX века и его трансформация в условиях постиндустриального общества. Общность методологической установки теорий модерна в силу реализации ее в логике естественных наук препятствует адекватному выражению сущности исследуемого объекта. Автором предлагается инфиниция масс, которая, в отличие от модернистской дефиниции, способствует конструированию объема понятия, учитывая современные социальные и культурные реалии.

Ключевые слова и фразы: массы; элита; теория модерна; теория постмодерна; дефиниция; инфиниция.

Снарская Екатерина Валерьевна, к. филос. н.
Казанский (Приволжский) федеральный университет
katerina.snarskaya@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ МАСС: ОТ МОДЕРНА К ПОСТМОДЕРНУ[©]

Тема, которую мы рассматриваем в данной статье, безусловно, имеет довольно внушительную теоретическую историю. С конца XIX столетия в понятиях «масса», «массы», «массовизация» зафиксирована проблема, которая к середине XX века развилась в целую теоретическую парадигму, именуемую массовым обществом. Однако, несмотря на огромный исследовательский интерес к данной проблеме, понятие «массы» по-прежнему остается проблематичным.

Сложность проблемы заключается в том, что сегодня теоретик сталкивается с необходимостью осмыслить свою позицию теоретизирования в контексте анализа предмета своего исследования.

Сама по себе эта необходимость отнюдь не нова, и когда мы говорим о природе социогуманитарного знания, то всегда подразумеваем особое положение субъекта познания. В частности, субъект не может быть полностью отделен от объекта своего исследования, он так или иначе включен в объект в силу того, что живет в данном обществе, является носителем некоторых ментальных и культурных характеристик, которые этим обществом продуцируются. Перефразируя Маркса, можно сказать, что нельзя анализировать общество, и быть свободным от общества. Это общая методологическая установка социально-гуманитарного знания.

Однако в результате анализа теорий массового общества, созданных в XX веке (предмет нашего исследования сознательно ограничен именно указанным периодом и именно данными теориями), мы выявили общий смыслообразующий принцип выстраивания понятия масс, согласно которому теоретик принципиально выносит себя за рамки предмета своего исследования, дистанцируется от него. В частности, в указанном блоке теорий можно выделить общие смысловые компоненты, которые объединяют большинство подходов к исследованию этого феномена: массы рассматриваются как необразованные слои населения, как непривилегированные социальные группы и как толпа. Характеристики, которые позволяют диагностировать их, зачастую оказываются схожими при анализе большинства подходов. Так, массам приписывается тенденция к примитивизации (теории Т. Адорно и М. Хоркхаймера, Х. Ортеги-и-Гассета, К. Ясперса), отсутствие способности к рефлексивности и саморефлексии (теории Б. А. Грушина, Ж. Бодрийера), подверженность разного рода манипуляциям (теории Э. Фромма, З. Баумана, Г. Лебона, С. Московичи), автоматизация деятельности и, как следствие, рутинизация сознания (Г. Маркузе, Т. Адорно, М. Хоркхаймер) и прочее.

Вполне очевидно, что социальный портрет человека масс, который в процессе теоретизации становится понятием, представляет собой диаметрально противоположность портрету теоретика. Все те характеристики, которые теоретик не применяет к себе, оказываются искусственно включенными в характеристики человека массы, а значит, и теоретического понятия, его выражающего. Таким образом, выстраивая теорию в логике модерна, теоретик находится в рамках классической гносеологической традиции, которая реализуется естественнонаучным способом – субъект-объектные связи однонаправлены, специфические черты субъекта познания принципиально не пересекаются с характеристиками объекта исследования. В этом случае достаточно обоснованным будет предположение, что черты масс, описанные теоретиками модерна, хотя и отражают реальность, но не могут быть рассмотрены как однозначная версия трактовки.

Фактически, понятие массы и понятие элиты (к которому безусловно причисляет себя теоретик модерна) являются полюсными по набору качественных характеристик и, перевернув любое понятие массы, мы обнаруживаем понятие элиты. Такой методологический ход возможен в эпоху индустриального, четко структурированного общества – в ситуации, которую З. Бауман именуется «твердой» современностью [1]. Данный контекст действительно позволяет говорить о существовании масс как о непривилегированных, необразованных, интеллектуально неразвитых слоях населения; и теоретик, находясь на противоположном полюсе, по праву может мыслить себя не включенным в массу.

Сегодня же актуализировалась необходимость пересмотра модернистской теории масс, и тому, как нам представляется, есть две причины. Во-первых, осознается очевидное несоответствие теории и практики, которая манифестируется и стремится к буквальному пониманию классической гносеологией. Конечно, истории известны периоды, когда социальная теория максимально соответствует запросам практики, однако зачастую это не объективное отражение социальной реальности, а некоторая обществу потребная иллюзия, превращенная форма, пусть и имеющая объективное значение. Примером иллюзорной тождественности теории и практики может служить образ ученого, который, следуя логике М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева и В. С. Швырева, является следующей ипостасью картезианского субъекта [5]. Когда в обществе начинает функционировать образ ученого, зафиксированного во вполне определенном понятии, то само общество вырабатывает пиететное отношение к конкретным людям, которые являются воплощением этого образа. Обнаруживается, что образ ученого (шире – теоретика) и его конкретное положение в обществе трансформируются в положение теории. Характеристики, которые фиксирует в себе теоретик, их восприятие обществом начинают распространяться и на теорию в целом. В частности, отсюда вытекает традиционное представление о привилегированном положении теории по отношению к практике. Этот пример демонстрирует классическую модель взаимодействия теоретика и практики. Обнаружение несоответствия между ними приводит к тому, что, например, А. Блок фиксирует как неприятие народом представителя духовного производства [3]. Важно, что А. Блок говорит о рубеже XIX-XX веков. Именно в это время теоретическая модель ученого начинает подвергаться сомнению со стороны общества, разрушаться. Как следствие, начинает разрушаться классическая теория, и различные версии теории модерна выстраивают себя как апологию, как защиту классической позиции ученого. Более того, обосновывая позицию теоретика, ученый опосредованно обосновывает позицию представителя господствующего класса.

Во-вторых, (и данная причина, безусловно, является прямым следствием первой) модернистское представление о массах зачастую оказывается размытым вследствие сближения его смысловой наполненности с совершенно разнородными понятиями, такими как класс, народ, потребитель и прочее. Поясним: выявленные нами общие смысловые компоненты теорий масс, в частности, понимание масс как непривилегированных / интеллектуально неразвитых слоев населения является близким к пониманию народных масс и даже классов.

Однако теоретическое осмысление народных масс смещает исследовательский акцент в область материального: народные массы выступают как выражение и отражение бедности и нищеты. Более того, данная их особенность рассматривается как требующая преодоления. Бедность и нищета, воплощаясь в идеологической позиции, трансформируются в актуализацию идеи субъектности народных масс: вспомним, например,

об идее пролетариата у К. Маркса. Можно констатировать, что сегодня традиция исследования народных масс по целому ряду причин ушла в маргинальное пространство социально-философского дискурса: стремление классической теории создать «чистую» картину социальной структуры, сталкиваясь с реальностью, обнаруживает всю ее сложность и фрагментарность. В этом смысле оказываются важными такие характеристики как этнические особенности, ментальность, которые не могут быть универсальными характеристиками. Более того, эти характеристики становятся основанием выявления различий, а не сходства; противоречий, а не единства. Поэтому и «народные массы» становятся невозможными ни понятийно, ни реально фактически («единый советский народ», «единая американская нация»). Это приводит к осознанию невозможности «схватывания» сущности народных масс посредством теории.

Размыванию границ теории масс способствует и одновременно разрабатываемая в XX веке теория общества потребления. Симптоматично, что характерные черты, отмечаемые теоретиками в понятии человека-потребителя, во многом пересекаются с характеристиками человека масс. Здесь можно зафиксировать такие идентичные черты как примитивизация, низкий уровень интеллектуального развития, нерелективность, рецептурность, манипулируемость, рутинизация сознания и автоматизация деятельности. Однако в теории общества потребления существует отличие, которое не позволяет отождествить ее с классической теорией масс. Феномен производства является ключевым моментом, вокруг которого формируется образ человека общества потребления: здесь, хоть и весьма опосредованно, через потребление, возникает вопрос – кто производит? В теории масс отсутствие связи с процессом и сущностью производства выражается в полной неспособности человека масс к созданию ценностей, особенно духовных.

Этот аспект проблемы приводит к необходимости переосмысления некоторых сущностных черт масс, актуализирует потребность в формулировке понятия или определения направления, в русле которого должен двигаться анализ масс.

Принципиальная невозможность включения масс в процесс производства анализируется в теории общества М. Бланшо, которая на первый взгляд представляется теорией, изображающей элиту [2]. Дальнейшее же рассмотрение этой теории показывает, что многие черты описываемой М. Бланшо элиты удивительно схожи с характеристиками, зафиксированными в классической теории масс. М. Бланшо, например, говорит не об отсутствии рефлективности, а о стихийности / спонтанности этого Сообщества. Но ведь стихийность не есть лучшее условие рефлексии: хотя эта связь не столь очевидна, но она обнаруживается. Значит, потенциальная возможность рефлексии человека Сообщества оказывается проблематичной.

Когда же мы рассматриваем характеристики масс с точки зрения некоторых нюансов теории потребления, то обнаруживаем, что локализация массы как представителей непривилегированного / интеллектуально не развитого большинства становится неправомерной.

В то же время классическая теория классов, например, также демонстрирует нам портрет больших групп людей – неразвитых, необразованных, непривилегированных. Вместе с тем К. Маркс выявил качественно новое основание для понимания массы, ведь класс – это отношение к средствам производства. Тем более что классов два. И один – вполне «привилегирован». В этом смысле теория классов наряду с теорией общества потребления «включает» описываемую теоретическую модель человека в сферу реальных производственных отношений. Однако в XX веке появляются новые социальные явления: массовизация, одномерность, – которые не схватываются ни понятием класса, ни понятием человека-потребителя. Кроме того, описываемые К. Марксом классы, именно в силу своего четкого отношения к системе производства, получают потенциальную организацию и структуру, что не позволяет однозначно описать их бодрийеровской метафорой «черная дыра» – областью абсолютной импозивности. Ведь возможность структурироваться, локализоваться позволяет определить социальный эквивалент, социальный носитель понятия, его выражающего.

Когда же мы говорим о массах или о массе, то ее социальный эквивалент становится неопределенным. Мы не можем четко выделить носителя характеристик массы. Сегодня, например, можно наблюдать, что на руководящие посты практически всех отраслей попадают люди, профессионально не имеющие к ней никакого отношения и, более того, являющиеся безграмотными, бездарными, непрофессиональными менеджерами. Если это так, то становится очевидным, что характеристики необразованный, интеллектуально неразвитый будут относиться к совершенно разным группам людей, в том числе и представителям того, что называется элитой общества, и зафиксировать их в качестве сущностных для понятия масс оказывается невозможным.

Означает ли это, что невозможность обнаружения социального эквивалента сложившемуся в теории понятию масс препятствует выстраиванию его строгой дефиниции? Данное предположение подтверждает установка классической социальной теории. Ж. Бодрийяр, например, указывает на то, что массы не поддаются описанию посредством социологического и политического инструментария [4]. Однако речь идет не о том, что массы есть не дефинитивный феномен, а о том, что эта дефиниция не может быть выстроена в классической гносеологической парадигме.

Возможно ли тогда зафиксировать массу лишь дескриптивно? Данное допущение представляется утрированным, поскольку, выстраивая дескрипцию, теоретик выявляет некоторые качества и свойства, и обнаружение границ этих качеств и свойств, безусловно, может быть положено в основу пусть плавающей, но дефиниции. Фактически, это именно то, что Г. Л. Тульчинский и М. Н. Эпштейн определили как «инфиниция» [6]. Тогда в рамках современного социально-философского дискурса понятие масс может быть сформулировано следующим образом.

Массы – это большая слабоструктурированная группа людей, не имеющая устойчивого количественного и качественного состава; представители которой либо не занимают четкой позиции в системе общественного производства, либо являются вышедшими за границы производственных отношений в силу обстоятельств. Именно

сложность установления степени участия в системе общественного производства позволяет определить представителя масс как преимущественно необразованного и непривилегированного. Слабоструктурированность же позволяет приблизить содержание понятия массы к понятию толпы, сущность которого составляет возможность поглощения любого члена общества, в том числе представителя элиты и, следовательно, теоретика.

Обнаруживается, что характеристики масс, которые теоретики эпохи модерна выделяли в качестве сущностных (нерефлексивность, примитивизация, автоматизация деятельности и прочее), являют собой не характеристики человека непривилегированного и необразованного. Они предстают как характеристики сознания, которые могут ситуативно проявлять себя в условиях стихийного / спонтанного действия.

Таким образом, теоретические модели человека массы и человека элиты, преломляясь в плоскости социальной реальности, вполне могут быть реализованы в одном конкретном индивиду. И в той ситуации, когда индивид как представитель массы берет на себя функцию субъекта, он становится причиной структурирования масс и трансформации их в качественно новую социальную форму, например, феномены социальных сетей, сообщества по интересам, профессиональные сообщества и прочее. В процессе становления структуры масса теряет свои характеристики, перестает быть массой как таковой. Поиск форм и способов разрыва массовизации, на наш взгляд, является проблемным полем, требующим отдельного более глубокого анализа.

Список литературы

1. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. С. А. Комарова; под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Бланшо М. Неопишное сообщество [Электронный ресурс] / пер. с фр. Ю. Стефанова. М.: Моск. филос. фонд, 1998. 79 с. URL: <http://www.blansho.net.ru/lib/sb/book/442/page/0> (дата обращения: 15.05.2015).
3. Блок А. А. О назначении поэта. Стихия и культура. М.: Либроком, 2011. 184 с.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Н. В. Сулова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 32 с.
5. Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность // Философия в современном мире: сб. ст. М., 1972. С. 28-94.
6. Тульчинский Г. Л., Эпштейн М. Н. Проективный философский словарь. М.: Алтейя, 2003. 512 с.

TRANSFORMATION OF MASSES NOTION: FROM MODERNITY TO POSTMODERNITY

Snarskaya Ekaterina Valer'evna, Ph. D. in Philosophy
Kazan (Volga Region) Federal University
katerina.snarskaya@yandex.ru

In the article the principle of forming the notion of masses in the social-philosophical theory of the XX century and its transformation in the conditions of postindustrial society is analyzed. The generality of the methodological purpose of the theories of modernity owing to its realization in the logic of natural sciences prevents the adequate expression of the studied object essence. The author suggests the infinity of masses, which, in contrast to modernistic definition, promotes the design of the notion scope having regard to current social and cultural realia.

Key words and phrases: masses; elite; theory of modernity; theory of postmodernity; definition; infinity.

УДК 141.5

Философские науки

В статье анализируются трактовки А. Н. Радищевым понятий «тело», «душа», «мышление», «жизнь», «организованность», используемых им при обосновании тезисов о смертности или же бессмертии души. Особое внимание уделяется оценке мыслителем значения природных основ поведения человека. Прослеживается влияние на Радищева западного Просвещения, фиксируется отражение его идей в последующем развитии отечественной философии, а также наличие корреляций с эволюционной этикой.

Ключевые слова и фразы: А. Н. Радищев; русская философия; философская антропология; тело; душа; смерть; бессмертие.

Суворова Ольга Семеновна, д. филос. н., профессор
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
olga_suvorova_5@mail.ru

ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК? – ВЕРСИИ А. Н. РАДИЩЕВА ©

В условиях противоречивого развития глобализационных процессов, экспансии массовой культуры особенно важным представляется анализ основ национального самосознания, исследование мировоззренческих установок, сложившихся в истории отечественной философии и оказавших влияние на российский менталитет.